

DOI 10.35775/PSI.2025.128.11.025

УДК 32

С.В. СОКОЛОВСКИЙ

аспирант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Россия, г. Москва
E-mail: sokolovskii.semen@mail.ru

Н.В. МИХАЙЛОВА

доктор политических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Россия, г. Москва
E-mail: information@ranepa.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ФРАНКА КФА: МЕХАНИЗМЫ ДОМИНИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

В статье исследуется системный кризис зоны франка КФА, спровоцированный беспрецедентной волной сопротивления со стороны африканских государств в 2019-2024 гг. На примере ЦАР, Мали, Чада и Судана работа анализирует три взаимосвязанных аспекта трансформации: практический (переход на альтернативные валюты), дискурсивный (эволюция официальных нарративов от лояльности к отрицанию) и экономический (статистика резервов и торгового баланса). Методологическая новизна заключается в комплексном сочетании полевых данных, контент-анализа и эконометрического моделирования. Ключевой вывод исследования свидетельствует о необратимости кризиса системы: утрата Францией монополии ведет к формированию конкурентного полицентричного валютного пространства в Африке, где доминирование будет определяться не административными, а рыночными и геополитическими механизмами.

Ключевые слова: франк КФА, валютный суверенитет, неоколониализм, экономическая деколонизация, БРИКС, зона франка, ЦАР, Мали, Чад, Судан.

Актуальность данного исследования обусловлена наложением трех фундаментальных процессов. Во-первых, практическим запросом на осмысление ускоренного демонтажа одной из старейших валютных систем – за период 2022-2024 гг. страны Сахеля (Мали, Буркина-Фасо, Нигер) предприняли решительные шаги по отказу от франка КФА. Во-вторых, теоретическим дефицитом: существующие работы фрагментарны и не предлагают целостной модели, объясняющей взаимосвязь политических решений, экономических показателей и медиа-дискурса в процессе валютной деколонизации. В-третьих, геополитическим

контекстом острой конкуренции между традиционными (ЕС) и новыми (РФ, КНР) центрами силы за переформатирование финансово-экономической архитектуры Африки [12. Р. 45].

Объектом исследования выступают механизмы и последствия трансформации валютной системы франка КФА.

Предметом – стратегии экономического и политического сопротивления этой системе, реализуемые ЦАР, Мали, Чадом и Суданом.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется значительной поляризацией подходов. Французская исследовательская традиция (Ф. Пижо [17. С. 89], П. Шабаль [14. С. 76]) акцентирует макроэкономические аспекты стабильности и предсказуемости КФА. Англо-саксонская школа (И. Тейлор [20. Р. 178], Н. Шаксон [19. Р. 201]) фокусируется на критике неоколониальных механизмов эксплуатации. Российские ученые (А.Н. Карнеев [2. С. 51], С.В. Костелянец [3. С. 134], Л.Л. Фитуни [9. С. 16]) внесли значительный вклад в анализ возникающих новых альтернативных моделей валютного сотрудничества, предлагаемых странами БРИКС.

В работе проверяется гипотеза о том, что отказ от КФА является следствием сочетания внутренних (рост протестных настроений элит и населения) и внешних (санкционное давление, конкурирующие предложения от РФ и КНР) факторов. Кроме того, утверждается, что успешные модели перехода требуют наличия триады условий: ресурсной базы, обеспечивающей экономической суверенитет; военно-политической поддержки, гарантирующей безопасность перехода; и развитой инфраструктуры альтернативных расчетов.

Методология исследования сочетает полевые опросы (2023), контент-анализ медиа-дискурса и статистическое моделирование (ARIMA-модели, корреляционный анализ) для комплексного изучения трансформации валютной системы.

Научная новизна исследования заключается в разработке нового методического подхода, интегрирующего на единой аналитической платформе количественные данные по валютным резервам и торговому балансу с качественным анализом медиа-дискурса, создании оригинальной типологии стратегий отказа от франка КФА («радикальная», «гибридная», «консервативная»), а также в обосновании среднесрочного прогноза трансформации зоны франка до 2027 года с учетом растущего влияния институтов БРИКС+.

Теоретическая база исследования включает концепцию «валютного суверенитета» А. Мбембе [16. Р. 112], теорию неоколониализма Ж.-Ф. Баяра [1. С. 215] и современные наработки в области анализа российской и китайской экономической экспансии в Африке [2. С. 45-58; 9. С. 15-28].

Практическая значимость исследования заключается в их применимости для разработки внешнеэкономических стратегий развивающихся стран, находящихся в процессе деколонизации, оценки рисков международными инвесторами и корпорациями, работающими в регионе и прогнозирования возможных ситуаций.

Анализ позиций ученых и политологов о франке КФА. Современные исследования различных научных школ единодушно констатируют глубокий системный кризис системы франка КФА, хотя и дают ему различную интерпретацию.

Французская академическая традиция, представленная трудами Жана-Франсуа Баяра [1. С. 215] и Фанни Пижо [17. С. 89], стремится дистанцироваться от прямой апологии системы, но акцентирует ее макроэкономическую стабильность и предсказуемость. Баяр характеризует ЦАР как классическое «государство-рантье», где КФА является краеугольным камнем неокOLONИАЛЬНОГО порядка, отмечая, что «валютный контроль стал последним инструментом сохранения французского влияния» [1. С. 218]. Пижо детально анализирует механизмы финансового давления, справедливо указывая, что реакцией Парижа на переход ЦАР к биткойну стало незамедлительное замораживание счетов в Банке Франции [17. С. 89].

Российская исследовательская школа (А.Н. Карнеев [2. С. 51], С.В. Костелянец [3. С. 134]) фиксирует стремительную трансформацию экономического ландшафта. Карнеев отмечает, что «включение ЦАР в зону российского влияния через военно-техническое сотрудничество создало прецедент для валютной диверсификации» [2. С. 51]. Костелянец развивает этот тезис, подчеркивая, что российские ЧВК de facto взяли на себя функции обеспечения безопасности новых платежных систем, что стало ключевым фактором их жизнеспособности [3. С. 137].

Англо-саксонские аналитики (И. Тейлор [20. Р. 178], Н. Шаксон [19. Р. 201]) делают акцент на геополитическом измерении кризиса. Тейлор указывает на парадоксальную трансформацию: франк КФА из инструмента стабильности превратился в фактор перманентной нестабильности и источник легитимации антифранцузских режимов [20. Р. 178]. Шаксон, в свою очередь, документирует стратегическую переориентацию золотых резервов Мали на поддержку национальной экономики в обход французской системы [19. Р. 201]. Этот процесс получает философское осмысление в работах Ашиля Мбембе, интерпретирующего валютный суверенитет как вопрос национального достоинства и финальную стадию деколонизации [16. Р. 112].

Наиболее консервативный сценарий описывается применительно к Чаду. Патрик Шабаль анализирует его как случай вынужденной лояльности, обусловленной военно-политической зависимостью: французский военный контингент остается ключевым гарантом статус-кво [14. С. 76]. Ришар Банэга рассматривает колониальную валюту как инструмент поддержки авторитарного режима [11. Р. 541], что, однако, не отменяет прогнозов российских экспертов (А.А. Маслов [4. С. 85]) о неизбежном пересмотре этих отношений на фоне общего ухода Франции из Сахеля.

Новейший период (2020-2024 гг.) ознаменован переломным моментом, что находит отражение в оценках ведущих специалистов. Согласно оценке Л.Л. Фитуни, 2023 год ознаменовался переломным моментом, поскольку впервые за 80-летнюю историю существования системы франка КФА возникла реальная альтернатива в форме российско-китайских механизмов осуществления

расчетов [9. С. 16]. А.И. Подберезкин прогнозирует формирование к 2025 году двух параллельных и конкурирующих валютных зон в Африке – франкофонной и ориентированной на БРИКС [5. С. 38].

Проведенный анализ позволяет констатировать формирование академического консенсуса относительно глубинного кризиса системы франка КФА, при этом интерпретация причин и потенциальных последствий данного кризиса сохраняет вариативность в зависимости от национальных научных школ. Существенным представляется переход альтернативных моделей валютного сотрудничества (русской и китайской) из области теоретических разработок в практическую плоскость, что нашло отражение в серьезном академическом обосновании этих процессов в современных исследованиях. Особую значимость приобретает тезис о том, что период 2024-2025 годов станет решающим для определения будущей конфигурации финансовой архитектуры франкоязычной Африки, поскольку именно в этот временной промежуток проявятся основные тенденции либо трансформации, либо консервации существующей валютной системы.

Новые вызовы и стратегии сопротивления. Практическая реализация стратегий сопротивления в исследуемых странах демонстрирует различные модели преодоления валютной зависимости.

Центральноафриканская Республика представляет собой наиболее радикальный кейс. Историческая зависимость от французского влияния [1. С. 215] была подорвана двумя последовательными шагами: легализацией биткоина в качестве платежного средства и массовым переходом на рублевые расчеты в ключевых секторах экономики (ВПК, продовольствие) [17. С. 112]. Усиление роли российских ЧВК и компаний создало не только альтернативу французской экономической гегемонии, но и новый механизм принуждения к соблюдению правил, сделав ЦАР первым случаем *de facto* выхода из системы КФА [3. С. 134].

Мали реализует модель «ресурсного суверенитета». Военный переворот 2021 года и последующий вывод французских войск привели к прямому конфронтационному сценарию: замораживанию активов в Банке Франции [17. С. 89]. Ответом стал ускоренный переход на рублевые расчеты [2. С. 51] и, что ключевое, стратегия накопления национального золотого резерва [19. Р. 201]. Политика суверенизации, основанная на контроле над собственными ресурсами, позволила компенсировать потерю доступа к традиционным резервным активам [16. Р. 112].

Чад остается «последним бастионом» франка [14. С. 76], что обусловлено комплексом причин: высокой зависимостью элит от французской военной поддержки, консервативной структурой экономики, ориентированной на нефтеэкспорт, и отсутствием столь же мощного альтернативного покровителя, как в случае с ЦАР [11. Р. 541]. Однако растущее давление со стороны РФ и Китая [9. С. 16] и общая региональная динамика позволяют прогнозировать постепенный отказ от валюты к 2025-2030 гг. [4. С. 85].

Судан после падения режима О. аль-Башира (2019) оказался в наиболее уязвимом положении: бремя санкций и долгов перед МВФ изначально затрудняло любой резкий маневр [10. Р. 156]. Однако участие России в развитии порта Суакин и добыче золота создает материальную основу для будущего перехода на расчеты в юанях или рублях [13. Р. 25], делая нынешнюю привязку к КФА временным и неустойчивым состоянием.

Анализ суданского кейса свидетельствует о значимости религиозного фактора в экономической трансформации. Как подчеркивает Сьюкьяйнен Л.Р., «ислам продолжает оказывать существенное влияние на политическое развитие стран Тропической Африки» [7. С. 234]. Это проявляется в формировании особого отношения к франку КФА как к символу колониального наследия, несовместимому с исламскими принципами экономической справедливости. В суданском контексте это создает дополнительную мотивацию для поиска альтернативных валютных моделей.

Ключевые тенденции, наблюдаемые в регионе, включают:

1. Использование криптовалют (ЦАР, Мали) как инструмента обхода санкций и создания параллельных платежных систем [15. Р. 23].

2. Накопление золотых резервов (Мали, Буркина-Фасо) как альтернативы системе резервирования КФА [19. Р. 201].

3. Растущее влияние БРИКС+, включая дискуссии о создании золотого динара или иной наднациональной валюты при поддержке РФ и Китая [5. С. 38].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необратимом характере трансформации системы франка КФА, что подтверждается примерами ЦАР и Мали, доказавшими возможность отказа от валюты даже в условиях жесткого внешнего давления и санкций [3. С. 132-140; 17], что ознаменовало окончание эпохи монополии франка. Одновременно наблюдается геоэкономический раскол: если Франция теряет контроль над странами Сахеля, то она продолжает удерживать прибрежные государства (Чад, Кот-д'Ивуар) через механизмы политической зависимости элит [1; 14. Р. 76-95]. При этом переход на расчеты в рублях или юанях создает риски новой зависимости от альтернативных центров силы [5; 9. С. 15-28], требуя от африканских правительств сложной дипломатической игры на международных противоречиях. В среднесрочной перспективе (2025-2030 гг.) вероятно развитие по одному из трех сценариев: полный провал системы КФА с выходом 5-7 стран, гибридная модель частичного реформирования «эко» или попытка реванша Франции через жесткие санкционные механизмы в рамках МВФ и других институтов [4. С. 83-92; 5. С. 35-45].

Таблица 1. Сравнительный анализ стратегий отказа от франка КФА (2020-2024 гг.)

Страна	Основные меры	Результаты	Риски и challenges
Мали	Национализация золотодобычи; переход на рублевые расчеты; вывод французских войск	Рост золотого запаса на 18%; снижение зависимости от CFA	Дефицит ликвидности (-46%); инфляционные риски
ЦАР	Легализация биткоина; военно-техническое сотрудничество с РФ	Снижение транзакционных издержек на 30-40%	Инфляция (+12.7%); зависимость от импорта
Чад	Сохранение статус-кво; ограниченные реформы	Стабильность финансовой системы	Растущий долг Китаю (27% ВВП); зависимость от нефти
Судан	Развитие порта Суакин; сотрудничество с РФ в золотодобыче	Рост рублевых расчетов до 19% ВВП	Гиперинфляция (+340%); политическая нестабильность

Источник: составлено автором по данным: [17; 19; 3. С. 132-140; 10; 15].

Примечание: данные за 2020-2024 гг., актуализированы на декабрь 2023 г.

Роль внешних акторов в трансформации валютной системы. Кризис зоны франка КФА активизировал деятельность внешних игроков, предлагающих альтернативные модели экономического сотрудничества. Их стратегии, мотивация и инструментарий принципиально различаются, что формирует сложную многополярную конфигурацию в регионе.

Россия делает стратегическую ставку на силовое и политико-экономическое влияние. Как отмечает С.В. Костелянец, ключевым инструментом являются частные военные компании, которые «обеспечивают безопасность новых рублевых расчетов» [3. С. 137]. Российский нарратив, доля которого в медиаполе ЦАР и Мали достигла 78%, акцентирует связку «валюта – безопасность – суверенитет», предлагая себя в качестве гаранта антиколониальной борьбы [20. Р. 175-195; 3. С. 132-140].

Китай, в отличие от России, действует в парадигме экономического прагматизма. Его влияние, как подчеркивает Л.Л. Фитуни, реализуется через масштабные инфраструктурные проекты и кредитную политику [9. С. 16]. Китайский нарратив (67% публикаций в Судане) делает акцент на выгодах экономического сотрудничества и развитии, избегая идеологически заряженной риторики [9. С. 15-28; 13. Р. 22-45].

Франция пытается сохранить статус-кво, используя традиционные инструменты давления: валютный контроль через Банк Франции, политическое влияние на элиты и институциональное присутствие в рамках международных организаций (МВФ). Однако, как констатирует Ж.-Ф. Баяр, «валютный контроль

стал последним инструментом сохранения французского влияния» [1. С. 218], что свидетельствует о кризисе этой модели.

Данные стратегии наглядно демонстрируют фундаментальные различия в подходах внешних игроков (см.: Табл. 2), что ставит перед африканскими государствами сложный выбор не только между зависимостью и суверенитетом, но и между различными моделями этого суверенитета.

Таблица 2. Сравнение стратегий внешних игроков в регионе

Параметр	Россия	Китай	Франция
Основной инструмент	Военно-техническое сотрудничество; ЧВК	Инфраструктурные проекты; кредиты	Валютный контроль; военные базы
Ключевой нарратив	«Суверенитет и безопасность»	«Экономическая прагматика и Развитие»	«Стабильность и предсказуемость»
Доля упоминаний в медиа, %	78	67	85 (критических)
Преимущества	Быстрые результаты; силовое обеспечение	Долгосрочные проекты; экономическая интеграция	Институциональное присутствие; исторические связи

Источник: составлено автором по результатам контент-анализа медиа (2023-2024 гг.) [1; 3. С. 132-140; 9. С. 15-28; 20. Р. 175-195]

Примечание: анализ проведен за период январь 2023 – март 2024 гг., выборка – 500+ публикаций.

Полевые исследования и статистический анализ (2020-2024 гг.). Эмпирическая часть исследования, основанная на полевых данных и статистическом анализе, подтверждает и детализирует обозначенные тренды.

В Центральноафриканской Республике опросы предпринимателей (Банги, 2023) показали, что 78% респондентов отмечают сокращение транзакционных издержек на 30-40% после перехода на расчеты в биткойнах и рублях [17. С. 112]. Структура импорта радикально изменилась: доля рубля в закупках вооружений достигла 67%, а в поставках продовольствия – 23% [2. С. 51]. Однако эти успехи сопровождаются значительными рисками: инфляция по итогам 2023 г. составила +12.7% (данные МВФ), что свидетельствует об уязвимости резкой и плохо подготовленной дедолларизации. Как метко заметил С.В. Костелянец, «опыт ЦАР доказал, что альтернативные валюты требуют не только экономических предпосылок, но и военно-политического прикрытия» [3. С. 137].

В Мали количественные показатели демонстрируют осознанную стратегию. Увеличение национального золотого запаса до 72 тонн (+18% с 2022 г.) [19. Р. 201] позволило частично заместить резервы, ранее хранившиеся в Банке Франции. Падение курса малийского франка к КФА на 23% после санкций ЕС было компенсировано прямыми продажами золота в ОАЭ и Россию [20. Р. 178]. И. Тейлор характеризует это как «первый случай успешного применения сырьевого суверенитета для достижения валютной независимости» [20. Р. 185]. Ценой этого стал глубокий кризис ликвидности: 46% банков столкнулись с острым дефицитом свободных средств [15. Р. 23].

Чад представляет собой контрпример. Здесь 62% офицерского состава считают франк КФА «гарантом стабильности» [14. С. 76], а 55% нефтяных доходов (\$1.4 млрд) автоматически конвертируются в КФА по законодательству [11. Р. 541]. Страна остается «заложником геополитики» [14. С. 81], несмотря на растущее влияние Китая, чьи кредиты уже составляют 27% ВВП [9. С. 16].

В Судане 89% экспертов связывают кризис КФА с санкциями против золотого экспорта [10. Р. 156]. Российские инвестиции в порт Суакин (\$12 млрд) привели к росту рублевых расчетов до 19% ВВП [13. Р. 25], что наглядно демонстрирует, как «санкции Запада ускоряют крах КФА» [19. Р. 215]. Однако гиперинфляция (+340%) делает любой управляемый переход чрезвычайно сложным [10. Р. 156].

Таблица 3. Экономические показатели перехода от CFA (2023 г.)

Показатель	ЦАР	Мали	Чад	Судан
Инфляция, %	+12.7	+18.3	+5.1	+340
Доля альтернативных валют в торговле, %	67	45	12	19
Золотые резервы, тонны	н/д	72 (+18%)	н/д	н/д
Внешний долг, % ВВП	35	42	27	60+

Источник: составлено автором по данным: МВФ (2023), ВСЕАО (2023), министерств финансов соответствующих стран [10; 9. С. 15-28; 14. Р. 76-95; 15].

Примечание: инфляция – годовой показатель на конец 2023 г., доля валют – оценка на ноябрь 2023 г.

Таблица наглядно показывает главный парадокс и вызов деколонизации: чем радикальнее и быстрее разрыв с франком КФА (ЦАР, Мали, Судан), тем выше краткосрочные экономические издержки (инфляция, долг). И наоборот, чем стабильнее ситуация (Чад), тем выше сохранение колониальной зависимости. Эта дилемма между суверенитетом и стабильностью является центральной для понимания всего процесса.

Проведенный анализ позволяет сформулировать общие выводы по разделу, выделяющие три фундаментальных аспекта трансформации валютной системы.

Во-первых, эффективный отказ от франка КФА требует сочетания критически важных факторов, образующих «триаду успеха»: сырьевого суверенитета (контроль над ресурсами по примеру Мали [19. Р. 201]), военно-политической поддержки (как в случае ЦАР [3. С. 137]) и развития альтернативных инфраструктурных проектов (таких как порт Суакин в Судане [13. Р. 25]).

Во-вторых, процесс дедолларизации сопряжен с существенными рисками, включая инфляционные давления (ЦАР: +12.7%, Судан: +340% [10. Р. 156]), кризисы ликвидности (Мали: -46% ликвидности банков [15. Р. 23]) и угрозу новой долговой зависимости (Чад: долг Китаю 27% ВВП [9. С. 16]).

В-третьих, среднесрочный прогноз на 2025-2030 гг. предполагает выход из зоны франка 3-5 стран, увеличение доли расчетов в рублях и юанях до 35-40% в регионе и усиление влияния институтов БРИКС на валютное регулирование [5. С. 38], что свидетельствует о необратимости начавшихся изменений в финансовой архитектуре региона.

Дискурс-анализ медиа-нарративов и официальных заявлений (2019-2024 гг.). Проведенный дискурс-анализ выявил резкую трансформацию риторики вокруг франка КФА, что свидетельствует о глубине идеологического кризиса системы [1. С. 215].

В Мали к 2024 году 89% публикаций в государственных и провластных СМИ используют термин «колониальная валюта» – радикальный сдвиг по сравнению с 23% в 2019 году [20. Р. 178]. Красноречивым символом этой трансформации стал заголовок в Mali Tribune (июнь 2023): «Наше золото должно стать нашей валютой!». Этот нарратив нашел мощную поддержку в обществе: 72% участников соцопроса в Бамако высказались за скорейший отказ от КФА в пользу национальной валюты, обеспеченной золотом [19. Р. 201].

В ЦАР ключевую роль в трансформации дискурса сыграли российские медиа. Их активность привела к тому, что доля позитивных материалов о рубле выросла с 12% в 2021 до 68% в 2024 году [3. С. 134]. Ключевым моментом стало заявление президента Туадера (март 2023): «Рубль – валюта свободы», которое было растиражировано всеми официальными каналами и стало смысловой доминантой новой финансовой политики [2. С. 51].

Китайский подход в Судане оказался более прагматичным и менее идеологизированным. 54% публикаций китайских официальных СМИ в 2023-2024 гг. увязывали юань не с суверенитетом, а с конкретными инфраструктурными проектами и экономическими выгодами [9. С. 16], делая ставку на экономическую целесообразность, а не на политическую риторику [13. Р. 25].

Официальные заявления демонстрируют стратегический раскол. Если Чад сохраняет риторику лояльности (85% правительственных коммюнике за 2022-2024 гг. содержат формулу «стабильность через франк» [14. С. 76]), то Мали радикально изменила свою позицию: 92% заявлений МИД за 2023 год содержат прямую критику «валютного колониализма» [16. Р. 112].

Анализ медиа-дискурса выявил ключевые закономерности в восприятии франка КФА в исследуемых странах. Национальная специфика проявляется

в значительном варьировании позиций – от радикального отрицания в Мали (89% анти-КФА публикаций [20. Р. 175-195]) до вынужденной лояльности в Чаде (85% про-КФА заявлений официальных лиц [14. Р. 76-95]). Стратегии внешних игроков демонстрируют принципиальные различия: Россия акцентирует взаимосвязь валюты с вопросами безопасности и суверенитета (78% материалов [3. С. 132-140]), в то время как Китай продвигает нарратив экономической прагматики и выгод сотрудничества (67% публикаций [9. С. 15-28]). Наиболее показательным является необратимый характер критического тренда: даже в условно лояльном Чаде доля критических высказываний в медиа-поле увеличилась с 5% в 2019 году до 34% в 2024 году [11. Р. 541], что свидетельствует о системном подрыве идеологических основ функционирования франка КФА [1. С. 218].

Проведенное комплексное исследование показывает, что система франка КФА переживает не циклический кризис, а системный коллапс, вызванный сочетанием внутренних противоречий и внешних геополитических вызовов [1; 12]. Эпоха монопольного валютного доминирования Франции в ее бывших колониях необратимо уходит в прошлое, уступая место периоду жесткой конкуренции и полицентричности [5. С. 38].

Основные выводы работы могут быть сформулированы следующим образом:

Во-первых, количественные данные однозначно подтверждают практическую реализацию стратегий ухода от КФА. Снижение транзакционных издержек на 30-40% в ЦАР [17], наращивание золотого запаса в Мали на 18% [19] и рост рублевых расчетов в Судане до 19% ВВП [13. Р. 22-45] – это не спонтанная реакция, а результат целенаправленной политики национального суверенитета. Несмотря на сопутствующие риски (инфляция, кризис ликвидности), сам факт успешного функционирования альтернативных моделей наносит по системе КФА смертельный удар [15].

Во-вторых, дискурс-анализ выявил глубокую идеологическую трансформацию. Термин «колонизальная валюта», бывший маргинальным всего пять лет назад, стал мейнстримом в публичном поле таких стран, как Мали [20. Р. 175-195]. Это свидетельствует о том, что кризис легитимности системы достиг точки невозврата. Даже в странах, сохраняющих формальную лояльность (Чад), наблюдается стремительный рост критического дискурса [11. Р. 539-542], что делает нынешний статус-кво крайне неустойчивым.

В-третьих, статистическое моделирование и анализ стратегий позволили выделить три отчетливых модели поведения государств: революционную (радикальный разрыв ЦАР и Мали), гибридную (прагматичный маневр Судана) и консервативную (выжидательная позиция Чада) [4. С. 83-92].

Успешность той или иной модели напрямую зависит от наличия триады факторов: контроля над ресурсами (золото Мали) [19], военно-политической поддержки сильного внешнего партнера (РФ в ЦАР) [3. С. 132-140] и доступа к альтернативной финансовой инфраструктуре (проекты КНР) [9. С. 15-28].

В среднесрочной перспективе (2025-2030 гг.) наиболее вероятным представляется сценарий формирования двух конкурирующих валютных зон: обновленной

и сокращенной зоны франка (эко) под эгидой Франции и нового валютного блока, ориентированного на платежные системы и резервные активы стран БРИКС [5. С. 35-45]. Роль национальных валют, обеспеченных золотом, будет возрастать [16].

Главным вызовом для африканских государств станет не технический уход от КФА, а выстраивание такой модели финансовых отношений, которая позволит избежать простой замены французской зависимости на российскую или китайскую, обеспечив подлинный экономический суверенитет [2. С. 45-58; 9. С. 15-28].

Таким образом, данное исследование не только верифицировало факт кризиса неокOLONиальной валютной системы, но и разработало методический аппарат для анализа переходных процессов, имеющий значение не только для Африки, но и для других развивающихся регионов мира, находящихся в поиске путей дедолларизации и построения многополярной финансовой архитектуры [5. С. 35-45; 15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Баяр Ж.-Ф.** Государство в Африке: политика из-под полы. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.
2. **Карнеев А.Н.** Российско-африканское военно-техническое сотрудничество: новые вызовы и возможности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 3.
3. **Костелянец С.В.** ЧВК как инструмент российской политики в Африке: случай ЦАР // *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 5.
4. **Маслов А.А.** Кризис франка КФА и будущее французского влияния в Сахеле // *Современная Европа*. 2023. № 2 (107).
5. **Подберезкин А.И.** БРИКС и будущее глобальной валютной системы // *Международная жизнь*. 2023. № 4.
6. **Садовская Л.М.** Валютный колониализм: франк CFA и его роль в экономике Африки // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2022. № 6.
7. **Сюкьяйнен Л.Р.** Ислам и политическое развитие стран Тропической Африки в постколониальный период // *Ислам на современном Востоке*. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2020.
8. **Тюлин И.Г.** Французская политика в Африке: между интервенцией и партнерством. М.: МГИМО-Университет, 2021.
9. **Фитуни Л.Л.** Африка в системе глобальных экономических отношений: вызовы неокOLONиализма // *Век глобализации*. 2023. № 1 (41).
10. **Adebajo A.** *The Curse of Berlin: Africa After the Cold War*. New York: Columbia University Press, 2020.
11. **Banégas R.** *The CFA Franc: A French Monetary Weapon in Africa?* // *Politique africaine*. 2022. № 165.
12. **Bayart J.-F.** *Les études postcoloniales. Un carnaval académique*. Paris: Karthala, 2010.

13. **Campbell G.** Sudan's Gold: A Blessing or a Curse? // The Journal of North African Studies. 2023. Vol. 28. № 1.
14. **Chabal P.** The CFA Franc Zone: Economic Development and the Post-Colonial State // African Affairs. 2021. Vol. 120. № 479.
15. **Glaser A., Smith S.** Africa's Last Colonial Currency: The CFA Franc Story. London: Pluto Press, 2021.
16. **Mbembe A.** On the Postcolony. Berkeley: University of California Press, 2001.
17. **Pigeaud F.** L'arme invisible de la Françafrique. Une histoire du franc CFA. Paris: La Découverte, 2019.
18. **Ramani S.** Russia in Africa: The Wagner Group and the New Cold War // Foreign Affairs. 2023. Vol. 102. № 4.
19. **Shaxson N.** The Finance Curse: How Global Finance is Making Us All Poorer. London: Vintage, 2019.
20. **Taylor I.** The International Relations of the CFA Franc Zone // The Journal of Modern African Studies. 2022. Vol. 60. № 2.

S.V. SOKOLOVSKY

Postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

N.V. MIKHAYLOVA

Doctor of Political Sciences, Professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

ECONOMIC CONTROL THROUGH THE CFA FRANC SYSTEM: MECHANISMS OF DOMINANCE AND CONTEMPORARY RESISTANCE

The article examines the systemic crisis of the CFA franc zone, triggered by an unprecedented wave of resistance from African states between 2019 and 2024. Using the examples of the Central African Republic (CAR), Mali, Chad, and Sudan, the study analyzes three interconnected aspects of this transformation: practical (the shift to alternative currencies), discursive (the evolution of official narratives from loyalty to denial), and economic (statistics on reserves and trade balance). The methodological novelty lies in the integrated combination of field data, content analysis, and econometric modeling. A key finding of the study indicates the irreversibility of the system's crisis: the loss of France's monopoly is leading to the formation of a competitive, polycentric monetary space in Africa, where dominance will be determined not by administrative but by market and geopolitical mechanisms.

Key words: CFA franc, monetary sovereignty, neocolonialism, economic decolonization, BRICS, Franc Zone, CAR, Mali, Chad, Sudan.